

ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ НОРМА О НЕЗАКОННОМ ОБОГАЩЕНИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УКРАИНЕ?

Дмитрий МИХАЙЛЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного права

Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The paper addresses the issue of whether the norm on illegal enrichment set out in article 368-2 of the Criminal Code of Ukraine assumes the limitation of the presumption of innocence principle. The author examines whether the existing article 368-2 of the Criminal Code of Ukraine, which does not directly oblige a public servant to reasonably justify the origin of his/her assets, allow the court to make negative inferences regarding such an employee on the basis of his/her refusal to provide such justification.

Key words: corruption, corruption crime, illicit enrichment, principle of presumption of innocence, burden of proof.

Аннотация

В статье решается вопрос: предполагается ли нормой о незаконном обогащении, изложенной в ст. 368-2 Уголовного кодекса Украины, ограничение принципа презумпции невиновности. Устанавливается, позволяет ли суду действующая ст. 368-2 Уголовного кодекса Украины, которая прямо не предусматривает обязанности публичного служащего разумным образом обосновывать происхождение своих активов, делать негативные выводы для такого служащего на основании его отказа предоставлять такое обоснование.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, незаконное обогащение, принцип презумпции невиновности, бремя доказывания.

Постановка проблемы. Одним из важных элементов антикоррупционной стратегии Сингапура, которая, как известно, показала высокую эффективность, было введение в 1960 году ответственности при установлении, что обвиняемый жил не по доходам или имел собственность, наличие которой нельзя было объяснить его доходами. В дальнейшем такой антикоррупционный инструмент был закреплен, в частности, в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 года (далее – Конвенция) под названием «Незаконное обогащение». В соответствии с указанной статьей, при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать.

Именно с целью реализации в национальном праве ст. 20 Конвенции в Уголовном кодексе (далее – УК) Украины была введена и в дальнейшем корректировалась норма о незаконном обогащении (ст. 368-2 УК Украины).

При этом, учитывая необходимость возложения на публичного служащего обязанности разумным образом обосновывать увеличение активов в части их несоответствия законным доходам, остро был поставлен вопрос о соответствии ст. 20 Конвенции принципу презумпции невиновности, что стало препятствием для ее аутентичной реализации в УК Украины.

В связи с этим необходимым для достижения правовой определенности является установление того, предполагается ли нормой о незаконном обогащении, изложенной в ст. 368-2 УК Украины, ограничение принципа презумпции невиновности. Кроме того, в данном контексте важным также является выявление, позволяет ли суду действующая ст. 368-2 УК Украины, которая прямо не предусматривает обязанности публичного служащего разумным образом обосновывать происхождение своих активов, делать негативные выводы для такого служащего на основании его отказа предоставлять такое обоснование. Указанное свидетельствует об **актуальности темы** исследования.

Цель статьи – установить, позволяет ли суду действующая ст. 368-2 Уголовного кодекса Украины, которая прямо не предусматривает обязанности публичного служащего разумным образом обосновывать происхождение

своих активов, делать негативные выводы для такого служащего на основании его отказа предоставлять такое обоснование.

Изложение основного материала исследования. Как резюмируется в литературе, норма о незаконном обогащении не вполне согласуется с положениями о презумпции невиновности и вводит в уголовное право элементы объективного вменения, а криминализация незаконного обогащения невозможна без нарушения концептуальных основ уголовного права [4; 7, с. 215]. Вместе с тем при решении указанного вопроса не следует смещать правовые проблемы, возникающие при реализации ст. 20 Конвенции, с дискуссии о балансе в доказывании, который устанавливается системой бремени доказывания, и переносить их в плоскость непосредственного нарушения презумпции невиновности. Ведь установление того, что никто не обязан доказывать свою невиновность, является лишь одним из правовых последствий действия презумпции невиновности, а не ею самой и вместе с другими ее последствиями образует принцип презумпции невиновности, который является комплексным правовым явлением.

Учитывая существование категорических выводов о невозможности исключений из существующего подхода к распределению бремени доказыва-

ния [10; 20; 22], в научной литературе предлагается при доказывании незаконного обогащения доказывать именно отсутствие законных оснований для значительного увеличения активов должностного лица над официальными доходами, что вполне может снять с должностного лица обязанность обосновывать легитимность его имущественных актов, которые значительно возросли. Так, с целью имплементации исследуемой нормы в национальное законодательство и одновременно обхода установления презумпции вины В.Н. Борков предлагал предусмотреть ответственность за «коррупционное обогащение», то есть превышение должностными лицами своих активов, а так же активов близких родственников над законными доходами в значительном размере. Наличие негативного признака относительно незаконного обогащения должностного лица, по мнению этого автора, можно устанавливать путем исключения из его активов, законность которых поставлена под сомнение, денежного содержания и других официальных доходов. При этом отмечается, что презумпция невиновности не должна препятствовать привлечению к уголовной ответственности опасных лиц [5, с. 29, 30, 31]. Вместе с тем Я.И. Гилинский отмечает, что противоречия нормы о незаконном обогащении и конституционного принципа презумпции невиновности является надуманным предлогом не осуществляя эффективное воздействие на коррупцию [6]. Однако допустимость и границы отступления от данного принципа в отношении некоторых ситуаций требуют более глубокой аргументации, нежели указание, что коррупционеры прикрываются презумпцией невиновности или что это надуманный повод.

При решении проблемы конструирования формулы состава незаконного обогащения в контексте ее взаимодействия с принципом презумпции невиновности следует обратить особое внимание на то, что при составлении окончательного варианта редакции ст. 20 Конвенции данный вопрос имел несколько вариантов решения. Особое внимание следует уделить интересному подходу к модели нормы о незаконном обогащении, который сохраняет незыблемым принцип презумпции невиновности. Так, Колумбия еще на первой

сессии (Вена, 21 января – 1 февраля 2002 года) межправительственного Специального комитета открытого состава по разработке Конвенции против коррупции (учрежден Генеральной Ассамблеей в ее Резолюции 55/61 от 4 декабря 2000 года) предлагала изложить статью о незаконном обогащении в редакции, по сути, аналогичной той, что позже также была предложена В.Н. Борковым, а именно: «... признать как уголовно наказуемое, когда оно совершается умышленно, неоправданное увеличение богатства государственного служащего в период его пребывания на государственной службе или в течение двух лет после завершения этого периода» [14, с. 213]. Похожим в данном контексте было предложение Алжира, высказанное в рамках третьей сессии Специального комитета (Вена, 30 сентября – 11 октября 2002 года): «... признать в качестве уголовно наказуемого незаконное обогащение или необоснованное увеличение имущества, активов и доходов любого публичного должностного лица, которое не соответствует его законному заработку от исполнения его обязанностей или с иных законных источников» [14, с. 214].

В связи с приведенными редакционными нормами о незаконном обогащении, от которых отказались при формулировании окончательного варианта ст. 20 Конвенции, обращают на себя внимание законодательные инициативы по изменению действующей редакции ст. 368-2 УК Украины, которые в 2014 году выносились на рассмотрение Верховной Рады Украины. Так, согласно проектам Законов Украины от 26.03.2014 № 4573 (не включен в повестку дня 17.04.2014), от 24.04.2014 № 4780 (отклонен 16.09.2014), предлагалось привести УК Украины в соответствие со ст. 20 Конвенции путем изложения состава незаконного обогащения в следующей редакции: «*Приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, в собственность (пользование) имущества, стоимость которого значительно превышает его доходы, получение которых подтверждено законными источниками, или передача им такого имущества близким родственникам ...*»; по проекту Закона Украины от 16.09.2014 № 5085, узаконную формулу состава доработано и

предложено в таком виде: «*Приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, в собственность имущества, стоимость которого значительно превышает доходы лица, полученные из законных источников, или передача им такого имущества близким родственникам ...*». В такой же редакции была изложена ст. 368-2 УК Украины согласно Закону Украины «О Национальном антикоррупционном бюро Украины» от 14.10.2014.

В дальнейшем ст. 368-2 УК Украины было вновь изложено в новой редакции Законом Украины от 12.02.2015 № 198-VIII: «*Приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, в собственность активов в значительном размере, законность оснований приобретения которых не подтверждено доказательствами, а так же передача им таких активов любому другому лицу*». В таком виде норма об уголовной ответственности за незаконное обогащение действует на данный момент.

Несложно обнаружить, что формулировка состава незаконного обогащения в Конвенции существенно отличается от той, которая содержится в действующей ст. 368-2 УК Украины. Основные и принципиальные отличия заключаются в следующем: 1) УК Украины не содержит положения, согласно которому прямо перекладывается бремя доказывания законности значительного увеличения активов на самого публичного служащего, чье имущественное состояние выросло непропорционально легальным доходам; 2) Конвенция прямо отмечает отсутствие необходимости устанавливать общественно опасное деяние и предусматривает наказуемость именно значительного увеличения активов (последствие преступной деятельности), тогда как, по УК Украины, необходимо установить именно приобретение в собственность активов или передачу таких активов любому другому лицу, что является деяниями.

Таким образом, общим в приведенных выше формулировках статьи о незаконном обогащении является то, что в их основе лежит стремление скорее отстраниться от прямого указания в конструкции нормы на обязанность

субъекта разумным образом обосновывать происхождение активов, превышающих задекларированные им легальные доходы, чем обойти или завуалировать проблему переноса бремени доказывания (ограничение принципа презумпции невиновности) на субъекта коррупционного преступления и нарушения права не свидетельствовать против себя.

В контексте линии дискуссии следует особое внимание обратить на ст. 330-2 УК Республики Молдова, по которой установлена уголовная ответственность за незаконное обогащение. Так, согласно указанной статье, *незаконным обогащением признается владение должностным или публичным лицом, лично или через третьих лиц, имуществом, стоимость которого существенно превышает полученные им средства и в отношении которого установлено на основании доказательств, что оно не могло быть получено законным путем.* Приведенная статья была введена Законом от 23.12.2013 и вступила в силу с 25.02.2014. Если не обращать внимание на отдельные детали состава незаконного обогащения, а сосредоточить внимание на том, как в рамках ст. 330-2 УК Республики Молдова решена проблема вмешательства в принцип презумпции невиновности и смежные принципы права, то следует прийти к выводу, что, по сути, решение этой проблемы является аналогичным, как и в описанных выше предложениях Колумбии и Алжира.

Важность краткого обзора ст. 330-2 УК Республики Молдова обусловлена тем, что Конституционный Суд этой страны провел контроль конституционности указанной статьи, который, в частности, включал изучение ее соотношения с принципом презумпции невиновности. Так, согласно п. 31 Постановления Конституционного Суда Республики Молдова от 16.04.2015 [15], именно в контексте политики нетерпимости к коррупции Парламент пришел к выводу о необходимости перенять законодательные меры, вытекающие из ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, и ввел в УК новый состав преступления «незаконное обогащение». При этом в п. 45 указанного выше Постановления Конституционный Суд напомнил, что в свете конституционных норм обязанность доказывания

возлагается исключительно на государственные органы, и, в соответствии с п. 107 этого Постановления, прямо указал, что обязанность доказывать незаконное обогащение лежит исключительно на государственных органах. Приведенный вывод Конституционный Суд Республики Молдова правильно построил, в частности, на том, что норма ст. 330-2 УК не требует от государственного служащего «разумным образом обосновать» свое имущество (п. 108 исследуемого Постановления).

По сути, такая же, как и введенная с 25.02.2014 в Республике Молдова, модель нормы о незаконном обогащении была реализована в ст. 368-2 УК Украины, которая действовала с 26.01.2015 по 04.03.2015 («*Приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, в собственность имущества, стоимость которого значительно превышает доходы лица, полученные из законных источников ...*»). Здесь стоит отметить, что не вызывает сомнений то, что можно установить официальные доходы служащего, однако имущественные активы подозреваемого в незаконном обогащении могут быть сформированы не только официальными доходами, но и за счет других законных источников, спектр которых (как следует из п. 164.2 ст. 164 Налогового кодекса Украины) слишком широкий для полного установления стороной обвинения и выходит за пределы объективных возможностей и полномочий правоохранительных органов. Например, непонятно, каким образом установить, были ли за соответствующий промежуток времени субъекту коррупционного преступления переданы средства в виде возмещения морального вреда (во внесудебном добровольном порядке), получение имущественных активов в результате сделок, которые не подлежат регистрации, и тому подобное.

В связи с этим при всей внешней привлекательности и формальной конституционности вышеизложенного решения практически реализовать такой подход невозможно, поскольку возможности правоохранительной системы доказать отсутствие законных оснований крайне незначительны, поскольку необходимо будет опровергать все защитные версии подозреваемого

служебного лица, что часто является невозможным и будет порождать сомнения, которые нельзя устранить (здесь имеются в виду версии, не подкрепленные доказательствами (например, ссылки на получение займа от уже умершего), так как в противном случае уже служащий будет доказывать свою невиновность и законность происхождения активов, что возвращает дело в конструкцию незаконного обогащения, которая предлагается ст. 20 Конвенции).

Вместе с тем к основаниям уголовно-правового запрета, которые служат объективными предпосылками его установления, относится, в частности, учет возможностей системы уголовной юстиции в противодействии тем или иным формам антиобщественного поведения [3]. Применение же в рассматриваемом случае общего правила бремени доказывания делает задачу стороны обвинения сверхсложной, что вступает в противоречие с указанным принципом криминализации. В любом случае доказывание значительного увеличения фактических активов служащего над его официальными доходами будет либо невозможной, либо очень сложной задачей, что значительно снизит возможности нормы об ответственности за незаконное обогащение или вообще исключит ее действие.

Действующая же редакция ст. 368-2 УК Украины («*Получение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, в собственность активов в значительном размере, законность оснований приобретения которых не подтверждено доказательствами ...*») без прямого указания на перераспределение бремени доказывания законности приобретенных имущественных активов, которые не согласуются с декларируемыми доходами публичного служащего, на сторону защиты фактически попыталась завуалировать это под признаками состава данного преступления. Также следует поддержать в целом верный вывод А.К. Марина [12, с. 125], согласно которому законодательные попытки формулирования состава незаконного обогащения (ст. 368-2 УК Украины) привели к наличию в УК Украины запрета, который невозможно применить, учитывая положения ст. 63 Конституции Украины.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что из предписания ст. 368-2 УК Украины не усматривается, кто именно должен доказывать тот признак состава незаконного обогащения, который вытекает из конструкции «... законность оснований приобретения которых не подтверждено доказательствами ...». Если же интерпретировать данное положение в системной связи с ч. 2 ст. 62 Конституции Украины и ч. 2 ст. 17 Уголовного процессуального кодекса Украины, по которым никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении уголовного правонарушения, то следует прийти к выводу, что именно сторона обвинения должна доказать, что законность оснований приобретения активов субъектом властных полномочий не подтверждена доказательствами.

Попытки же создателей ст. 368-2 УК Украины обосновать отсутствие прямого указания в пределах состава незаконного обогащения на перераспределение бремени доказывания на сторону защиты в части «разумным образом обосновать происхождение чрезмерных активов» тем, что суд и так будет иметь возможность делать негативные выводы из молчания обвиняемого (по аналогии с подходом Европейского суда по правам человека по делу *John Murray v. United Kingdom* [1]), когда фактические обстоятельства дела явно требуют от лица предоставить объяснения [16; 17], не выдерживают критики. Последнее объясняется тем, что в Украине отсутствуют нормативные акты, которые бы регламентировали порядок и возможности выведения судом выводов из отказа объяснять некоторые обстоятельства дела, что свидетельствует об отсутствии такого признака допустимого ограничения права, как его предусмотренность законом. Данный признак закреплен в п. п. 5 (все ограничения признанных прав должны быть закреплены в соответствии с национальным законом) и 15 (ни одно ограничение осуществления прав человека не вводится иначе, как в соответствии с национальным законом общего применения) Сиракузских принципов [18], а также основывается на подходе, отраженном в ст. ст. 8, 9, 10, 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой ограничения соответствующим

прав должны устанавливаться исключительно законом. Такой вывод основан и на приведенном выше решении Конституционного Суда Республики Молдова, который правильно подчеркнул, что исследуемой моделью состава нормы о незаконном обогащении не предвидится какого-либо исключения из принципа презумпции невиновности, что касается также и возможности суда делать негативные выводы из молчания обвиняемого.

Таким образом, можем сделать следующие **выводы**:

1. Подход к конструкции нормы о незаконном обогащении, который реализован в ст. 368-2 УК Украины, хотя и сохраняет неизменным принцип презумпции невиновности, но нивелируют очевидные преимущества нормы о незаконном обогащении в модели, которая предусматривает перераспределение бремени доказывания в части «разумным образом обосновать происхождение чрезмерных активов» на сторону защиты.

2. Норма о незаконном обогащении (ст. 368-2 УК Украины) не позволяет суду делать негативные выводы для публичного служащего на основании его отказа разумным образом обосновать происхождение своих активов.

3. Введение такого инструмента, как уголовная ответственность за незаконное обогащение, и его эффективное действие неизбежно связаны с необходимостью ограничения некоторых прав человека (принципа презумпции невиновности, права не свидетельствовать против себя и т. д.) и прямого законодательного закрепления возможности и условий такого ограничения. Предлагаемые способы обойти или завуалировать указанные вмешательства в основополагающие права человека были отвергнуты при утверждении действующей редакции ст. 20 Конвенции и обречены выхолащивать суть и действенную силу нормы о незаконном обогащении. При этом норма о незаконном обогащении в ст. 20 Конвенции, предусматривая обязанность субъекта разумным образом обосновать непропорциональность увеличения своих имущественных активов, не перераспределяет на последнего все бремя доказывания, а лишь его меньшую часть, поскольку перед этим сторона обвинения обязана доказать, что

имущественные активы значительно возросли и это не соответствует официальным доходам субъекта. Такого рода ограничение принципа презумпции невиновности в части перераспределения бремени доказывания является допустимым с точки зрения Европейского Союза [2] и Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. В связи с этим в Украине следует решить: или вводить ответственность за незаконное обогащение, что будет ограничивать принцип презумпции невиновности, или вообще отказаться от этого инструмента с учетом того, что при этом институт финансового контроля теряет санкцию.

Вместе с тем ограничение прав человека при введении нормы о незаконном обогащении не всегда возможно в конкретных обстоятельствах противодействия коррупции. Так, вмешательство в один из элементов принципа презумпции невиновности (правило о бремени доказывания) путем установления уголовной ответственности за незаконное обогащение в каждой отдельной стране требует развернутого теста на пропорциональность. При проведении этого теста следует опираться на методiku, которая удачно описана М. Cohen-Eliya и I. Porat (в соавторстве) [9], В. Schlink [21] и С.П. Погребняком [13], и учитывать результаты публичной дискуссии [8; 19] между М. Khosla и S. Tsakyrakis, а также принимать во внимание юридические конструкции, обоснованные В.В. Лапаевой [11], и положения Сиракузских принципов [18], которые в этом случае могут быть применены в том числе по аналогии. Технология этого теста позволяет определить, возможно ли вмешательство (ограничение) соответствующего права или законного интереса определенной мерой при известных обстоятельствах. Постановка проблемы (возможность ограничения принципа презумпции невиновности нормой о незаконном обогащении) и метод ее решения (применение теста на пропорциональность) являются новыми для науки уголовного права Украины, что показывает направление дальнейших исследований и дает методологическую основу для правотворчества и правоприменения, в частности, по отношению к норме о незаконном обогащении.

Список использованной литературы:

1. Case of John Murray v. The United Kingdom (Application № 18731/91), judgment, 8 February 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57980#{"itemid":\["001-57980"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57980#{).
2. Green Paper – The Presumption of Innocence (COM (2006) 174 final). Commission of the European Communities, Brussels, 26.04.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0174>.
3. Балобанова Д.О. Теория криміналізації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Д.О. Балобанова ; Одес. нац. юрид. акад. – О., 2007. – 17 с.
4. Богуш Г.И. Конвенция ООН против коррупции 2003 г.: общая характеристика и проблемы имплементации / Г.И. Богуш [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/bogush\(2-11-06\).htm](http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/bogush(2-11-06).htm).
5. Борков В.Н. Проблемы криминализации коррупционного обогащения в России / В.Н. Борков // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 27–31.
6. Гишинский Я. Нечестно нажитое имущество защищено / Я. Гишинский ; ред. О. Филина // Огонек. – 2013. – № 35. – С. 22.
7. Карпович О.Г. Коррупция в современной России / О.Г. Карпович. – М. : Юристъ, 2007. – 243 с.
8. Косла М. Пропорциональность: посягательство на права человека? Ответ Ставросу Цакиракису / М. Косла // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5 (84). – С. 58–66.
9. Коэн-Элия М. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни / М. Коэн-Элия, И. Порат // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 3. – С. 59–81.
10. Крижанівський В.В. Принцип презумпції невинуватості у кримінальному процесі (порівняльно-правове дослідження) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / В.В. Крижанівський ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2007. – 20 с.
11. Лапаева В.В. Типы правопонижения: правовая теория и практика : [монография] / В.В. Лапаева. – М. : Рос-сийская академия правосудия, 2012. – 579 с.
12. Марін О. Кримінально-правові перешкоди протидії корупції в Україні / О. Марін // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні : матеріали ХХІІ звітної науково-практичної конференції (4–5 лютого 2016 р.) : у 2 ч. – Львів : Юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2016. – Ч. 2. – 2016. – С. 122–125.
13. Погребняк С.П. Тест на пропорційність / С.П. Погребняк // Юрист України. – 2013. – № 2. – С. 5–10.
14. Подготовительные материалы (переговоры о разработке Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции). – Нью-Йорк : ООН, 2010. – 716 с.
15. О контроле конституционности некоторых положений Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса (расширенная конфискация и незаконное обогащение) : Постановление Конституционного Суда Республики Молдова от 16.04.2015 № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constcourt.md/ccdocview.php?tip=hotariri&docid=533&l=ru>.
16. Пояснювальна записка до проекту Закону України від 26.03.2014 № 4573 «Про Національне бюро антикорупційних розслідувань» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50428.
17. Пояснювальна записка до проекту Закону України від 24.04.2014 № 4780 «Про Національне бюро антикорупційних розслідувань» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50785.
18. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14624>.
19. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? В ответ на статью Мадхава Кослы / С. Цакиракис // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5(84). – С. 67–70.
20. Шамардин А.А. К вопросу об обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве / А.А. Шамардин // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Выпуск 8. – Оренбург, 2005. – С. 393–406.
21. Шлинк Б. Пропорциональность: к проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей / Б. Шлинк // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 2. – С. 56–76.
22. Эсаулов С.В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс» / С.В. Эсаулов. – М., 2013. – 24 с.